

ДОМ ПЛЕХАНОВА

Колпач. № 399
К. ЛИН. ЛИСТОВ 68
Лист № 47
№ архива 69.19.2

47-48

Дом Плеханова

№ 93-5444/45 п.и.

Цѣна 30 коп.

Въ номеръ 8 стр.

СЛОВО

Условия подписки:

съ пересылкой въ Москвѣ и городахъ на 3 мѣс.—18 р., на 2 мѣс.—12 р., на 1 мѣс.—6 р.

Адресъ редакціи и конторы:
Знаменка, Крестов. п., д. 1. Тел. 87—71.

Кромѣ того подписку принимаютъ:

Кооперативное издательство:
Б. Дмитровка, 26.

Бюро Трудовой Нар. Соц. партіи:
Годенскій пер., 5.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

для лицъ ищущихъ труда
(позади текста)

За 3 строки..... 1 р. 20 к.
Сверхъ 3-хъ строкъ, за каждую строку по 1 р.

Четвергъ
5 іюня 1918 г.
МОСКВА.

НАРОДА № 10

Издается при ближайшемъ участіи: С. П. Мельгунова, В. А. Мякотина, А. Б. Петрищева и А. В. Къшехокова.

Памяти Г. В. Плеханова.

Это было в одну из самых черных годин, какія переживала Россія. Кровавое дѣло, на глазахъ у всѣхъ ковавшееся въ особнякѣ Кшесинской, получило свое завершенье. Въ октябрьскую ночь кучка заговорщиковъ схватила за горло Россію, — тогда еще великую, несмотря на обрушившіяся на нее несчастія. Мы докатились до грани, къ которой фатально влекла насъ наша непривычка и неумѣнье дѣлать государственное дѣло, наше доктринерство, наши партійные раздоры, наша неорганизованность.

Вступитъ въ борьбу съ вульгарнымъ «интернаціонализмомъ», который соблазнялъ толпу, оправдывая самые низменные, чисто-шкурные инстинкты, защитить родину, которой угрожалъ торжествующій врагъ, спасти государственность, на которую со всѣхъ сторонъ сыпались уда-

ры, — таковы были грозно вставшія тогда задачи, для рѣшенія которыхъ, казалось Георгію Валентиновичу, надо собирать всѣ силы, способныя около нихъ объединиться. По его почину и послѣ недолгихъ предварительныхъ переговоровъ въ редакціи «Единства» собрались представители пяти газетъ: самого «Единства», «Дня», «Рабочаго Пути», «Воли Народа» и «Народнаго Слова». Предстояло обсудить, возможно ли и въ какихъ формахъ согласованное выступленіе названныхъ органовъ по самому острому вопросу текущей современности.

Это былъ первый случай въ моей жизни, когда мнѣ представлялась возможность встрѣтиться съ Георгіемъ Валентиновичемъ. Признаюсь, не безъ волненія я ждалъ этой минуты. Я боялся, что та теоретическая враждебность, которую я питалъ къ

Плеханову — мыслителю и писателю, станетъ между мною и живымъ человекомъ и внесетъ нѣкоторую предвзятость въ личныя впечатлѣнія. Мнѣ, стороннику русской историко-философской школы и ея главы — Н. К. Михайловскаго, которому я чуть не всѣмъ обязанъ въ своемъ развитіи, къ которому питалъ и питаю почти личную привязанность, хотя и не зная его, — мнѣ, боялся я, — трудно будетъ преодолѣть себя и опуститься справедливо и беспристрастно къ человеку, стоящему на совершенно противоположной и рѣзко-враждебной мнѣ позиціи.

Трудно и потому, что не могъ я не считать его въ значительной мѣрѣ ответственнымъ за тѣ уродливыя формы, въ которыя къ этому времени вылилась русская революція. Изувѣрскій догматизмъ, мертвый схематизмъ въ мышленіи и въ дѣйствіи, фанатизмъ, съ которымъ живая жизнь ломается въ угоду отвлеченныхъ формулъ, — все это въ моемъ представленіи связывалось съ именемъ Плеханова. Ибо онъ на протяжении десятковъ лѣтъ былъ са-

мымъ непреклоннымъ, самымъ прямолинейнымъ насадителемъ марксизма въ Россіи.

И пока я подъ шумъ споровъ одиноко предавался этимъ волнующимъ размышленіямъ, въ комнату вошелъ нѣсколько запоздавшій Георгій Валентиновичъ. Вошелъ небольшой, сухощавый человекъ. Не знаю, можетъ-быть, потому, что мнѣ было извѣстно его долгое пребываніе за границей, его лицо и вся фигура показались чуть-чуть нерусскими. Печать серьезной, пылкой мысли лежала на этомъ блѣдномъ, костлявомъ лицѣ, на которомъ уже протянулись сѣрыя гѣвки рокового недуга. Особенно ярко о привычной умственной работѣ свидѣтельствовали большіе, глубоко ввалившіеся, испытующіе глаза.

Не могло возникнуть въ этомъ собраніи большихъ преній, потому что не было рѣчи о какомъ бы то ни было междупартійномъ соглашеніи. Задача ставилась сравнительно узкая.

Рѣчь шла о томъ, чтобы установить періодическій обмѣнъ мнѣній, совместно намѣчать тѣ темы, съ ко-

торыми затѣмъ одновременно и высту­пать въ своихъ органахъ.

— Парижскіе журналисты, — го­ворилъ Георгій Валентиновичъ, — изо дня въ день собираются въ сво­ихъ кафе и ведутъ жаркіе споры. А мы въ такое трагическое время си­димъ по своимъ редакціямъ и въ одиночку пытаемся дѣлать большое дѣло, требующее общественныхъ усилій, требующее работы на міру.

И въ этомъ же засѣданіи было рѣшено, что присутствующіе будутъ устраивать періодическія собранія, и самый фактъ состоявшихся согла­шенія будетъ опубликованъ въ спе­ціальномъ сообщеніи. Выработать текстъ этого сообщенія собраніе про­сило Георгія Валентиновича, и, при­нятое въ слѣдующемъ засѣданіи, оно было напечатано въ вышепере­численныхъ газетахъ, за исключе­ніемъ, если не измѣняетъ мнѣ па­мять, «Дня», гдѣ даже въ предѣ­лахъ редакціонной коллегіи оказа­лось нѣсколько теченій.

Повторяю, широкихъ преній не возникало. Это была скорѣе товари­щеская бесѣда. И по мѣрѣ того, какъ

она развертывалась, по мѣрѣ того, какъ расширялось участіе въ ней самого Георгія Валентиновича, мое —я не боюсь назвать это слово—не­пріязненное отношеніе къ нему все болѣе теряло подъ собою почву.

Я видѣлъ передъ собою не книж­ника, какимъ онъ мнѣ всегда рисо­вался. Даже чисто-визуальныя приемы рѣчи доставили мнѣ совершенно не­ожиданное удовольствіе. Такъ легко, вѣдь, узнать марксиста съ первыхъ же словъ его. Ихъ сжесточившее въ мертвыхъ схемахъ пониманіе собы­тій, ихъ условная фразеология, даже отдѣльныя выраженія, самыя ихъ остроты, такъ часто однообразныя, выдаютъ ихъ съ головой, лишь толь­ко они раскроютъ уста. Ничто изъ этого не оскорбило моего слуха. Передо мною былъ человѣкъ, стояв­шій неизмѣримо выше той скудной классовой идеологии, которая при­несла столько бѣдъ нашей много­страдальной родинѣ. Это былъ госу­дарственный умъ, способный пони­мать развертыванія передъ нимъ событія во всей ихъ многозначитель­ной и сложной огромности. Въ его

глазахъ я читалъ глубокую тревогу за судьбы родины, единой, нераз­дѣльной родины, которая дорога всемъ классамъ и которые поэтому все и должны быть призваны къ ея спасенію.

И, слушая его, я все болѣе не­доумѣвалъ, какъ помирить живое слово этого живого человѣка, широ­кое, свободное отъ цѣпей доктрины, съ тѣмъ, что замкнулось въ его книгахъ. И мнѣ думалось, даже род­ную мать, если вась разлучать съ нею долгіе годы, можно, если не за­быть, то почувствовать жуткую отъ нея отчужденность. Эта отчужден­ность является той казнью, которую носятъ въ своемъ сердцѣ все воль­ные и невольные и болѣе крупныя, чѣмъ Плехановъ, изгнанники.

Легко, быть можетъ, чертить ге­ометрическіе чертежи, находясь на чужбинѣ, не чувствуя трешетной жизни родной страны, легко подго­нять подъ чертежки измѣнчивыя формы этой жизни, но стоило ступить на родную землю, вдохнуть ея раскаленный воздухъ, увидѣть ея кровавыя раны, — и гордые чертежи

смутились, и разстроились ихъ при­молинейные ряды... И, уходя изъ со­бранія, я съ радостнымъ чувствомъ примиренности пожалъ горячую ру­ку этого больного, обреченнаго че­ловѣка.

Только два или три раза участво­валъ Георгій Валентиновичъ въ этихъ собраніяхъ. Его здоровье, сильно подорванное, —особенно по­слѣ гнуснаго обыска, произведеннаго у него большевиками въ Царскомъ Селѣ, —потребовало серьезнаго лече­нія, и онъ переѣхалъ въ одну изъ финляндскихъ санаторій. Оттуда ему уже не суждено было выѣхать.

Съ чувствомъ еще большей при­миренности я говорю теперь, да бу­детъ легка родная земля этому боль­шому человѣку, этой жизни, которая цѣлкомъ была отдана на служеніе родинѣ.

А. Лапицкій.